

Т.О.Книжник

(Статья опубликована в сборнике *Защитим имя и наследие Рерихов.* – М.: МЦР, 2005. – Т. 3. – С. 861 – 885.)

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Вы, вероятно, замечали, как люди любят находить маленькие слабости великих людей, чтобы возвести их в особую трогательную заслугу, ибо, по их мнению, именно слабости делают великого человека таким человеческим. Без умаления человеческое сознание не может принять великого Образа. Люди привыкли снижать до своего уровня все самое Великое.

Из письма Е.И.Рерих А.М.Асееву от 1 августа 1934 г.

Бывают времена, когда умаление и умалчивание губительнее самых злобных нападок и клеветы. Недаром умаление и умалчивание рассматриваются Великими Учителями, как вид утонченного предательства.

Из письма Е.И.Рерих в Америку от 21 августа 1931 г.

В августе 1998 года на прилавках книжных магазинов появилась книга под названием «Мои Учителя», выпущенная московским издательством «Сфера»¹. На сей раз нашему вниманию были представлены дневники Зинаиды Григорьевны Фосдик (1889—1983), ближайшей сотрудницы Николая Константиновича и Елены Ивановны Рерихов, вице-президента нью-йоркского Музея имени Н.К.Рериха. Как сказано в одном из предисловий, эти «дневниковые записи... станут для нас уникальным источником, сохранившим в себе целый мир удивительных сведений, неизвестных нам прежде»², и с этим, конечно, нельзя не согласиться, ибо Зинаида Григорьевна Лихтман (впоследствии Фосдик) была неоценимой свидетельницей как культурной работы Рерихов в Америке, так и событий их частной жизни. Однако выход этой книги вызвал немало печальных раздумий, и, в первую очередь, о «культурно-просветительской деятельности в сфере эзотерических традиций» — именно так характеризует свою цель само издательство, тесно сотрудничающее с нью-йоркским Музеем. За высоким названием скрываются профанация, чудовищное легкомыслие и небрежность по отношению к тем, кого издатели так уверенно называют своими Учителями. И остается только сожалеть, что за все шесть лет это издание, явившееся достойным Предтечей случившегося ныне вандализма — преждевременной публикации дневниковых

¹ Фосдик З.Г. Мои Учителя. Встречи с Рерихами. По страницам дневника 1922—1934 гг. М.: Сфера, 1998. (Серия «Рериховский архив».)

² Летопись огненного подвига // Фосдик З.Г. Мои Учителя. С. 30.

записей Е.И.Рерих в искаженном виде — так и не нашло отклика в рериховской прессе за исключением пары-тройки заметок и нескольких писем. А между тем равнодушие здесь неуместно. Ведь речь-то идет о *наших Учителях*.

Итак, перед нами — дневники З.Г.Фосдик, способные, по мнению редколлегии (главного редактора издательства «Сфера» Д.Н.Попова, директора Музея Николая Рериха в Нью-Йорке Д.Энтина и его коллеги А.Тульской), «озадачить некоторых читателей» и сломать «наши вольные, но уже успевшие затвердеть умозрительные представления»³. Но, увы, озадачивают не столько сами записи преданной ученицы Рерихов — о них речь впереди, сколько вступительное слово, написанное самим Даниилом Энтиным. Честно говоря, от человека, ныне возглавляющего Музей имени Н.К.Рериха и тесно общавшегося с самой Зинаидой Григорьевной долгие годы, читатель вправе ожидать более глубоких и зрелых суждений о Николае Константиновиче и Елене Ивановне, нежели те откровения, которыми он так щедро делится в своем предисловии. Старый как мир мотив в исполнении г-на Энтина зазвучал с точностью до наоборот: *Боги как люди*. «Множество проявлений человеческих слабостей самых выдающихся людей меня вдохновляет, — признается он, — ибо убеждает в реальной возможности достижения каждым из нас такого же состояния роста сознания, каким обладали эти действительно великие люди»⁴. Что в данном случае подразумевается под «человеческими слабостями» — сказать трудно; может быть, г-н директор имеет в виду проявление дружеских чувств, душевную теплоту и заботу о своих близких? Нет, похоже, речь все-таки идет о недостатках и несовершенствах, ибо далее мы читаем следующее: «Мы склонны идеализировать их (Рерихов. — Т.К.) образы, делать их все более и более совершенными, пока они не становятся нереальными и безжизненными. Правда же заключается совсем в другом, и мы должны быть готовы принять ее. Несмотря на все свое подлинное величие, Рерихи были людьми, со всеми человеческими слабостями и несовершенствами. И эти черты, в сочетании со сверхординарными способностями и талантами всех членов семьи, делают их людьми невероятного душевного богатства, — но тем не менее *людьми*, которых мы, *тоже люди*, можем понять, а потому и следовать их примеру. Они были людьми, на которых мы можем надеяться стать когда-нибудь похожими»⁵. Что ж, как говорится, спасибо за правду.

Да, господа составители, если судить по очевидности, то Рерихи и в самом деле были такими же людьми, со всеми анатомическими и физическими особенностями вида «*Homo sapiens*». Приятной наружности, высокого умственного развития, прожившими интересную, насыщенную жизнь. Но настало с вами учить делать выводы, исходя из действительности, а не очевидности. А действительность такова, что истинное положение на лестнице космической эволюции тех, кто был известен в своем последнем воплощении, как Рерихи, намного превышает наше с вами. Об этом свидетельствует не только их

³ Вступительное слово // Фосдик З.Г. Мои Учителя. С. 11—12.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ Там же. С. 17.

«невероятное душевное богатство», как пишет Энтин, и одаренность натуры, но прежде всего сам факт тесного общения и сотрудничества с Великими Учителями. Появление уникальной философской системы Живой Этики, сочетавшей в себе древние и современные знания, научный и вненаучный способы мышления, разносторонне освещавшей вопросы космической эволюции человечества и особенности её грядущего витка. Картины Николая Константиновича, которые помимо их художественной ценности несли в себе огромный духовный заряд. Огненный опыт, пройденный Еленой Ивановной. Многочисленные материалы, оставленные нам Матерью Агни Йоги, свидетельствуют о том, что она занимала весьма высокое место в Иерархии Света и была связана с Великим Владыкой М. *тысячелетними узами сотрудничества*. Посему длительный и сложный путь Рерихов к непосредственному и постоянному общению с Учителями никак не может измеряться несколькими десятилетиями, прошедшими между детскими видениями высоких Покровителей и «неожиданной» встречей с Махатмами в Гайд-парке, как нас пытаются уверить в предисловии. В тех же письмах Елены Ивановны в Америку, опубликованных «Сферой» несколькими годами ранее, неоднократно приводятся Указания Владыки относительно значения Рерихов как земного фокуса претворения сил Иерархии. «Тара и Гуру, Заповедаю, — носители Наши Закона». «Так Гуру и Тара дают утвержденный фокус!» Нашими земными путями прошли, конечно, не боги и ангелы, как иронизирует г-н директор, но самые настоящие Иерархи Света. (*Ничего себе ровня!*) Приняв на себя земное воплощение, они, естественно, были подвержены всем ограничениям плотной материи, в том числе частичному забвению накопленного духовного опыта и своей деятельности на других планах, — именно в этом и заключалось их «несовершенство». То, что принято называть «человеческими слабостями и недостатками» (проявлениями низшего «я»), осталось у них уже далеко позади. Иначе, по всем непреложным космическим законам, они бы просто не стали теми, кто они есть. Но даже тогда только суровая внутренняя работа над собой (вспомним, к примеру, замечания Николая Константиновича о своем честолюбии, проявлявшемся в студенческие годы, или то, как юная Елена Шапошникова боролась с проявлениями гнева) позволила им полностью выявить свой гигантский духовный потенциал, осознать свою миссию и полностью реализовать ее.

Даниил Энтин снисходительно позволяет нам, своим грешным и слабым собратям, почитать гуру, героев и выдающихся людей, но он совершенно упускает из виду тот факт, что желание это существует в нашей душе именно в силу того самого стремления к совершенству, заложенного в нас самой эволюцией. Мы интуитивно чувствуем, что эти люди являются *более совершенными* существами, — обладающими какими-то исключительными качествами или проявлениями духовной природы, и потому достойны нашего восхищения и признательности. У них есть чему поучиться и, следовательно, усовершенствоваться самому. И вряд ли те идеалы, которые мы себе создаем из образа того или иного выдающегося человека, наделяя их всем лучшим, чистым

и святым, что только в состоянии себе представить, можно назвать необоснованными, ибо они являются не чем иным, как нашими путеводными звездами, далекими отражениями Бога на бесконечной лестнице эволюционного восхождения⁶. Что же касается почитания гуру, то трудящимся на ниве просвещения в сфере эзотерических традиций не мешало бы знать, что преданность духовному наставнику (своему ближайшему Иерархическому звену) является не только одним из основных канонов Живой Этики, но и первой обязанностью ученика, желающего вступить на путь духовного развития *в свете любой традиции*, ибо это требование основано на непреложном космическом законе Иерархии. «...Земной Гуру дается для почитания, для продвижения, для объединения, для построения, — читаем мы у Е.И.Рерих. — Небрежение к Гуру, утвержденному Великим Учителем, умаление Гуру есть небрежение и умаление Владыки, ибо земной Гуру — представитель Владыки»⁷.

«Умаляющий и искажающий волю Владыки разрушает себя. Умаляющий своего Гуру и подтачивающий основание уподобляется человеку, пытающемуся срубить сук, на котором сидит. Помните, родные, чем больше наш Гуру, тем больше мы сами. <...> Ознакомьтесь лучше с историей древности, и вы увидите, что все великие исторические фигуры, завоеватели и философы, все они имели своих Гуру, водительство которых сделало их гигантами духа и жизненного подвига»⁸.

«...Те, кто начнут умалять Гуру, будут тем умалять Владыку, поэтому явим сугубую бдительность и осмотрительность к ним... Каждое умаление, которое недосмотрено, есть стрела в Щит»⁹.

«Одно из наиболее опасных легкомыслий и непонимания Служения есть умаление имени Гуру, ибо, как уже много раз повторено: «Умаление имени Гуру есть стрела в Щит М.», Щит, нас всех укрывающий. Надо высоко держать имя Гуру, ибо как будем служить Владыке, умалая имя и указы Его посла! И главное, сумеем показать уважение и почитание не в словах обращения к самому Гуру, но поддержим это уважение и почитание среди всех сотрудников»¹⁰.

«Пусть, как скала, каждый несет ответственность за имя Гуру. Именно, именно, щит Света! Пусть чутко вслушиваются в суждения подходящих и берут малейший намек на умаление Гуру, как самое лучшее распознавание врага. Так только научимся отличать свет от тьмы»¹¹.

Не случайно в книгах Учения умаление своих духовных наставников находит столь суровое осуждение и приравнивается к добровольному отказу от собственного духовного продвижения. И действительно, если мы будем

⁶ Тема создания идеалов и их роли в духовном развитии человека подробно освещена в «Учении Храма», данном Учителем Илларионом.

⁷ Рерих Е.И. Письма. М.: МЦР, 1999. Т. I. С. 61.

⁸ Там же. С. 132.

⁹ Там же. С. 148.

¹⁰ Там же. С. 137—138.

¹¹ Письма Елены Рерих. Минск, 1992. Т. I. С. 77.

воспринимать своих Учителей как равных во всех отношениях, то, спрашивается, чему же у них учиться? И зачем они вообще нужны? Впрочем, вы, уважаемые читатели, люди свободные, — можете на собственном опыте проверить, насколько ломка таких «умозрительных представлений», как почитание своего Учителя — ближайшего звена, связывающего нас с Иерархией, помогает росту вашего сознания. Богатый опыт в этом отношении имелся у американских коллег самой Зинаиды Фосдик — мисс Эстер Лихтман и г-на Луиса Хорша. Усомнившись в своих земных Учителях — Елене Ивановне и Николае Константиновиче и полагаясь на собственные «высококонравственные принципы», первая закончила полным помутнением рассудка, второй из уважаемого бизнесмена превратился в грязного дельца, лжесвидетеля и вора.

Следующим ударом просветительского лома по затвердевшим стереотипам нашего мышления, очевидно, следует считать утверждение г-на директора о том, что к вопросу медиумизма Елена Ивановна относилась весьма неоднозначно. Оказывается, сама она этих методов по молодости не избежала и при резкой критике одних медиумических источников решительно поддерживала другие, ссылаясь на то, что «Великие Учителя и сами, и через своих учеников в тонком мире стараются использовать возможности, чтобы передать людям основы высокого учения через духовно чистых медиумов»¹². На это остается ответить разве что словами самой Елены Ивановны, которая потратила немало времени, сил и бумаги, дабы разъяснить своим ученикам и корреспондентам истинную природу этого опасного явления: «...Я много писала об опасности медиумизма. Припомните все определения медиумизма, хотя бы в книге «Агни Йога»: «медиум есть ладья без руля»; «медиум есть лишь постоянный двор для развоплощенных лжецов»¹³ и дать горе-просветителям ее же совет — «следует предупредить всех подошедших к Учению, насколько необходимо явить распознавание для избежания заблуждений. Необходимо понять *разницу* между видениями и переживаниями медиумов, психиков, медиаторов и йогов»¹⁴. «Медиумизм есть страшная вещь, ибо и есть одержание»¹⁵. Да, Елена Ивановна и в самом деле «не отрицала саму возможность медиумического получения информации из действительно высокого источника»¹⁶, но делала это с одной весьма существенной оговоркой: «*Мощь Великого Учителя Света может помочь медиуму побороть его медиумизм, и то лишь при упорном и многолетнем устремлении самого медиума к Источнику Света. Малейшее отклонение на этом пути устремления разрушает все ранее достигнутое*»¹⁷. Спрашивается, зачем «просветителям» понадобилось распространять тысячными тиражами такую откровенную ложь, если учесть, что в наши дни увлечение низшими психическими проявлениями имеет массовый характер?

¹² Фосдик З.Г. Мои Учителя. С. 12.

¹³ Рерих Е.И. Письма. М.: МЦР, 2001. Т. III. С. 590.

¹⁴ Рерих Е.И. Письма в Америку. 1948—1955. М.: Сфера, 1996. С. 182.

¹⁵ Рерих Е.И. Письма. М.: МЦР, 2000. Т. II. С. 503.

¹⁶ Фосдик З.Г. Мои Учителя. С. 12.

¹⁷ Рерих Е.И. Письма. М.: МЦР, 2000. Т. II. С. 521—522.

Вопрос об этической ответственности просветителей, поставивших перед собой цель поведать миру о фактах жизни и деятельности великих людей, обладавших поистине космическим сознанием, стоит сегодня необычайно остро. Настоящий исследователь и просветитель помимо функции хранителя и публикатора архива невольно облечен и другой, не менее важной миссией — выступать от имени ушедшего автора перед современниками. Он выполняет его волю, защищает его «честь», способствует его общественному признанию, организует его новое присутствие в культуре и массовом сознании. Все мы понимаем, что известные люди фактически лишены права на «личную жизнь», поскольку рано или поздно она все равно станет «достоянием общественности». В особенности это справедливо для писем и дневников — той сферы, которая содержит сокровенные переживания и мысли своих владельцев и куда нельзя и неэтично проникнуть при их жизни. Именно поэтому любая публикация дневников или эпистолярного наследия не может считаться научной, если в ней делается основной акцент на некий элемент сенсации, дабы завлечь самые широкие круги читателей и удовлетворить их тягу к «запретному» — будь то перипетии личной жизни, напряженные взаимоотношения или состояние банковского счета. Культура публикации архивных документов за последние несколько десятилетий претерпела существенные изменения. Если ранее подобные публикации преследовали благородные цели — отдать долг памяти и уважения известным личностям, стимулировать изучение их творчества и общественной деятельности, то сейчас планки все более и более понижаются и внимание читательской аудитории целенаправленно переключается на более прозаические сферы, граничащие с зыбкими областями слухов и сплетен. Порой «исследователи» готовы безжалостно искромсать архивный документ, дабы подогнать его в прокрустово ложе своих идей, предположений и гипотез — совершенно бредовых с точки зрения здравого смысла, но зато «самокупаемых» и дающих прекрасную возможность «заработать» себе имя.

В этой связи стремление многих известных людей уничтожить собственный архив или ограничить к нему доступ после их смерти кажется провидческим и вполне понятным — судьба их «детищ» в руках расхитителей литературных гробниц может быть, поистине, незавидной. Вот и после ухода Зинаиды Григорьевны Фосдик ее личные дневники были опубликованы тиражом в несколько тысяч, «ради сохранности информации», и это было самонадеянно названо просветительской деятельностью. Но, позвольте, действительно ли Зинаида Фосдик хотела обнародовать свои записи? Сама она, приступая в 1922 году к ведению дневника, пишет следующее: «Я хочу записывать все касающееся Рерихов, ибо думаю, что через несколько лет мне придется написать **воспоминания** (выделено мною. — *Т.К.*) о Николае Константиновиче и Елене Ивановне. Слишком великие и необыкновенные они люди, чтобы мир о них не знал»¹⁸. Из этого высказывания можно

¹⁸ Фосдик З.Г. Мои Учителя. С. 51.

предположить, что Зинаида Григорьевна рассматривает свои дневники как рабочий материал, своего рода литературную заготовку, которой впоследствии можно будет пользоваться при работе над воспоминаниями или публикациями в прессе. В любом случае, весьма сомнительно, чтобы она, будучи человеком ответственным и ревностно оберегающим доброе имя своих Учителей, допустила бы публикацию этих материалов в том виде, как они есть, без тщательной предварительной подготовки. Но, как показывает печальный опыт, что к Энтину попало, то пропало... И если уж многочисленные письменные упоминания Е.И.Рерих о том, что она передавала авторские копии своих дневников в Америку **исключительно на хранение**, интерпретируются Энтиным как «Е.И.Рерих послала эти тетради З.Г.Лихтман (позже Фосдик) для **использования** в Америке»¹⁹, стоит ли удивляться, что устное пожелание З.Г.Фосдик: «**Изучайте** мой дневник. В нем вы найдете достаточную основу, чтобы вести работу как должно»²⁰, обращенное к своему преемнику, было истолковано им как «**Публикуйте** мой дневник».

Но что сделано — то сделано, и несколько десятков тетрадей Зинаиды Григорьевны под бдительным оком составителей уместились в один том. Трудно не согласиться с автором второй вступительной статьи, кандидатом философских наук Н.Е.Самохиной, что основной «вопрос, возникающий у вдумчивого исследователя при знакомстве с источником подобного рода, — это проблема степени его объективности»²¹. И, напротив, трудно согласиться с ней в оценке этой степени. Ибо дело не только в том, что «с течением времени многое забывается, а при почти ежедневном ведении записей для подобных ошибок практически не остается места»²² — подобные доводы справедливы только для установления достоверности событий, их датировки и хронологической последовательности, а и в том, что в изложении любых внешних событий неизбежно присутствует и некая более сложная компонента, связанная с *адекватностью их воспроизведения*. Например, в том случае, когда автор дневника пересказывает кого-то другого или заручается мнением какого-то источника, не ссылаясь на него, очевидно воспринимая как нечто само собой разумеющееся. Или интерпретирует поступки тех или иных действующих лиц своего повествования, давая им определенную оценку, но при этом сознательно или невольно умалчивая, откуда он заимствовал «свою» точку зрения и на чье мнение ссылался. Можно ли говорить об объективном воспроизведении фактов через дневник, если нам доподлинно неизвестно, насколько строго следует его создатель букве происходивших событий, фиксирует ли он слово в слово все изречения, пожелания и рассуждения своих великих современников или же заставляет читателя довольствоваться собственной, и весьма вольной, интерпретацией услышанного? Насколько свободны его память и сознание от внешних влияний (беспристрастен ли он, в каком психологическом состоянии

¹⁹ Письмо Д.Энтина В.Б.Моргачеву от 31 января 2002 г.

²⁰ Фосдик З.Г. Мои Учителя. С. 19.

²¹ Фосдик З.Г. Мои Учителя. С. 21—22.

²² Там же. С. 22.

писал те или иные фрагменты), может ли он исказить масштабы событий, что-то упустить или вовсе посчитать не заслуживающим упоминания?

Затрагивая проблему научного подхода к исследованию такого непростого вида творчества, как дневник, следует всегда иметь в виду, что дневники писателей, политиков, деятелей искусства, а в особенности их учеников, знакомых и членов семьи, очень часто грешат субъективностью и однобокостью в представлении фактов, личные пристрастия в них выдвигаются на первый план. Как в самой жизни, так и в ее изложении на бумаге «человеческий фактор» играет важную роль, в силу чего автор дневников или воспоминаний видит в других людях в первую очередь то, что он *хочет* увидеть (поэтому энтиновская идея о ломке умозрительных представлений читателя при знакомстве с текстом на самом деле не что иное, как палка о двух концах: читателю дневников так же предоставляется прекрасная возможность изучить особенности сознания и стереотипы мышления их автора). Исследователи дневникового жанра рекомендуют «бороться» с подобной однобокостью путем сравнения между собой различных описаний одного и того же события (или характеристик одного и того же лица) сразу по нескольким источникам, имеющимся в распоряжении. И хотя в данном случае мы лишены возможности сравнить дневники Зинаиды Фосдик с дневниковыми записями других американских учеников Е.И.Рерих — например, Кэтрин Кэмпбелл, Франсис Грант или того же Луиса Хорша — нетрудно предположить, что каждый из них будет вести повествование «со своей колокольни» и наряду с совпадающими трактовками одних событий мы получим расхождения в описании других как в мелочах, так и по существу, не говоря уже о разнообразии личных оценок происходящего.

Перед нами — мир, увиденный глазами Фосдик. Личное, не всегда объективное преломление событий через призму сознания Зинаиды Григорьевны, которая, впрочем, никогда и не претендовала на роль беспристрастного хроникера. И это преломление, с «тяжелой» руки Энтина, стало «источником, *осведомленно, достоверно и искренне* (курсив мой. — Т.К.) освещающим перед нами панораму истории осуществления великой духовной и культурной миссии великих людей!» Конечно, «вдумчивый читатель» разницу усмотрит, но много ли в нашей среде этих вдумчивых читателей? Теперь на эту книгу стали ссылаться (в том числе и всеми нами любимый дьякон), по ней стали судить о Рерихах не только почитатели и исследователи их творчества, но и наши оппоненты.

Между тем именно о Фосдик, а не о Рерихах, следовало бы сказать: она была человеком со всеми человеческими слабостями и несовершенствами. Имеющиеся в нашем распоряжении письма Е.И.Рерих свидетельствуют о том, что Зинаида Григорьевна, несмотря на свою искреннюю преданность Учителям, бескорыстие и потрясающую работоспособность, была очень властной и ревнивой натурой, находившейся в постоянных конфликтах с другими сотрудниками. Приведу лишь несколько выдержек.

«...Много непонимания, сильно огорчает Р[адна] (З.Г.Фосдик. — *Т.К.*), но об этом при свидании. Имей в виду, что более чем когда-либо мы должны поддерживать друг друга и подтверждать все нами сказанное, тобою или мною. Есть тенденция среди Р[адны] и М[одры] (Ф.Грант, американская ученица Е.И.Рерих. — *Т.К.*) исказить и противопоставить не только наши слова, но и Указания»²³.

«За этот год письма Радны дали кривую духа, обнаружив болезнь духа, затемнившую ясное понимание пути, начертанного Вл[адыкой], пути, облегченного сокровищем Учения, которое, увы, все еще не живет во многих сердцах, и если слова Учения и повторяются устами, то без понимания смысла и правильного приложения в действиях каждого дня. <...> Радночка, настал час сурового распятия духа. Отныне все суровые суждения должны быть обращены только на себя, все искания направлены в глубь своих побуждений, все устремления — к искоренению каждого признака самости»²⁴.

«Приходится пользоваться, как сказано, камнями, в которых горит хотя бы искра духа. Так, родные мои, вы отлично понимаете, что если бы не своевременное возвышение и возвеличивание трех ярых (Э.Лихтман, Л. и Н.Хорш. — *Т.К.*), то ничего не было бы сдвинуто. Все провалилось бы. Неумение, ненаходчивость и малодушие другой стороны (Зинаиды Григорьевны, ее мужа Мориса Лихтмана и Ф.Грант. — *Т.К.*), поражающи»²⁵.

Насколько «объективна» в оценке событий была Зинаида Григорьевна, красноречиво свидетельствует, например, следующий эпизод из ее дневника: «За ужином Светик был очень груб к Нетти и Луису, обвинял их в неумении оберегать его вещи (говорит, что у него пропало 40 картин). Затем, что вместо книги об американских художниках надо было выпустить книгу о нем и что все должны стыдиться. Затем, что на «Урусвати», мол, дают деньги, а на его травы и изыскания не дают. Одним словом, ужас, что он говорил. Это мне рассказал Н.К., который очень убит» (запись от 5 декабря 1929 г.).

Во-первых, интерпретация рассказа Н.К.Рериха устами Зинаиды Григорьевны едва ли может быть названа достоверным свидетельством очевидца. Во-вторых, поставьте себя на место художника, узнавшего, что сорок (!) его произведений потеряны. Потеряны не где-нибудь, а в Музее, и не кем-нибудь, а людьми, которых он считал своими сотрудниками и хорошими друзьями. Что, по-вашему, должен был чувствовать Святослав Николаевич? В-третьих, что для Фосдик — «его травы и изыскания» (нечто вроде хобби), в действительности — серьезная работа по созданию противораковых лекарств, проводимая Святославом Николаевичем на опытных плантациях в Кулу по поручению Самого Учителя. На это можно ответить разве что словами самой Елены Ивановны: «И вот, когда действительно только мы можем многое что сделать, находятся люди, которые хотят это остановить. А что, если этот самый

²³ Письмо Е.И.Рерих Н.К.Рериху от 24 июня 1930 г. / *Рерих Е.И.* Письма. М.: МЦР, 1999. Т. I. С. 95.

²⁴ Письмо Е.И.Рерих З.Г.Лихтман от 1 августа 1930 г. / *Рерих Е.И.* Письма. М.: МЦР, 1999. Т. I. С. 97.

²⁵ Письмо Е.И.Рерих Н.К.Рериху и Ю.Н.Рериху от 20 июня 1935 г. / *Рерих Е.И.* Письма. М.: МЦР, 2001. Т. III. С. 347.

г-н Рик. заболит раком, а изыскания, задержанные в своем развитии, предоставят ему свои результаты, когда он уже будет влезать в гроб?»²⁶ Так что еще большой вопрос, что так «убило» Николая Константиновича.

Еще одно свидетельство «максимальной объективности» — пересказ эпизода из детства Елены Ивановны. К счастью, этот эпизод имеется в собственном изложении Е.И.Рерих в очерке «Сны и видения», так что мы имеем прекрасную возможность сравнить обе версии.

У Е.И.Рерих	У З.Г.Фосдик
«Девочка с книжкой полулежит на длинной кушетке. Входит девушка-горничная с вязанкой дров топить печку и начинает задирать и дразнить девочку: «Не стыдно ли барышне валяться посреди дня?» Девочка, оскорбленная несправедливым обвинением, чувствовавшая ее лицемерную природу и не любившая ее, обзывает ее дурой, лисой, Лизкой-подлизкой... Но внезапно поток этот остановлен, в сознании ясно, четко встает вся грубость, непристойность и нелепость подобного сквернословия, и настолько сознание это овладело ею, что с этого дня все грубые, скверные выражения были забыты» (Рерих Елена. У порога Нового Мира. М.: МЦР, 2000. С. 50—51.).	«...В очень раннем детстве Е.И. усвоила привычку ругаться. И вот раз она стояла и ругала какую-то прислугу: «Лизка-подлизка, дрянь». А та говорит: «Хорошо, барышня, хорошо». Тут ей стало безумно стыдно, и она говорит, что как рукой сняло, и она с того дня совершенно перестала ругаться». (Фосдик З.Г. Мои Учителя. С. 62.)

Как видим, между этими версиями есть существенная разница: в первом случае маленькая Елена остро реагирует на несправедливое замечание горничной, во втором — просто любит ругаться, без всякой на то причины.

Теперь давайте посмотрим, можно ли доверять сведениям Зинаиды Григорьевны, изучая биографию Н.К.Рериха.

У Н.К.Рериха	У З.Г.Фосдик
«Двух лет не было, а памятки связались с Изварою, с лесистым	«Н.К. своего детства абсолютно не помнит, только один сон, который

²⁶ Рерих Е.И. Письма. М.: МЦР, 1999. Т. I. С. 314.

<p>поместьем около станции Волосово, в сорока верстах от Гатчины» (<i>Рерих Николай</i>. Листы дневника. М., 2000. Т. II. С. 97.)</p> <p>«Остров, древний псковский город на реке Великой. Крепость на острове. 1879 год. Мы гостили у бабушки Татьяны Ивановны Коркуновой-Калашниковой. На Липенке — старинный дом с большим заросшим садом. Нижний этаж белый каменный, а верхний и чердак деревянные — охряные, со ставнями и белыми наличниками окон. Под косогором Великая, а за ней парк какого-то большого поместья с белым екатерининским домом. В саду у бабушки много ягод, немало и репейника. Хочется сразиться с этими драконами. Но меча нет. Впрочем, во дворе живет строительный подрядчик Иван Иванович Чугунов. Все чай пьет вприкуску. У него всякие мастерские где-то. Он услышал про нужду в мече и скоренько принес новенький. Хорошо сделано, и ручка вырезана с навершием, и длина хороша. Одно горе — меч-то липовый, деревянный, а выкрашен под медь. Нечего делать, и такой послужит. Много драконов было сражено в бабушкином саду...» (<i>Рерих Николай</i>. Листы дневника. М., 2000. Т. II. С. 98—99.)</p>	<p>повторялся три дня подряд, когда ему было около тринадцати лет» (<i>Фосдик З.Г.</i> Мои Учителя. С. 63.).</p>
---	--

И снова мы видим, что обе версии разнятся, причем не в пользу автора дневника, который по непонятным причинам награждает Николая Рериха амнезией. Сам же Николай Константинович в своих «Листах дневника» приводит немало детских воспоминаний, в частности, в цитируемых фрагментах ему соответственно около двух лет и четыре года.

Следующее сравнение.

У Е.И.Рерих	У З.Г.Фосдик
<p>«Вы знаете, что Юрий был рад узнать, что мы не толкаем его на этот брак. Также и девушка, будучи весьма культурной и талантливой особой, выказала себя с самой прекрасной стороны и разумно приняла мои доводы против брака, где жениху едва исполнилось 21 год, а невесте было уже 27. О всем этом я могла писать Вам из Парижа, но не самому Юрию. Тут какое-то недоразумение, а может быть, и подлог. Не могу понять, с какой целью притянули они этот эпизод? Зачем понадобилось порочить достойную девушку? Если мать выказала себя легкомысленной и увлеклась мыслью выдать дочь за Юрия, то зачем же бросать тень на девушку?» (Письмо Е.И.Рерих З.Г.Лихтман от 2 апреля 1938 г.).</p>	<p>«После сеанса у нас был разговор о теперешнем серьезном времени и между прочим Е.И. рассказала, что у них большие осложнения с Юрием, которого мадам Манциарли желает женить на своей дочери. Та старше его на четыре-пять лет, и они обе совершенно окрутили мальчика» (Фосдик З.Г. Мои Учителя. С. 148.).</p>

Как видно из приведенных фрагментов, сама Елена Ивановна очень хорошо отзывается о несостоявшейся партии Юрия, хотя и считает подобную разницу в возрасте неподобающей. В интерпретации же Фосдик Е.И.Рерих ведет себя как истинная свекровь — «окрутили мальчика». 6—7 лет, разделяющие Юрия Рериха и дочь мадам Манциарли, превращаются в дневнике Фосдик в 4—5.

И, наконец, забавный эпизод. «Подошел Н.К., спросил меня, сколько мне лет. Я сказала: «Тридцать четыре года»²⁷. Здесь Зинаида Григорьевна явно лукавит, ибо родилась в 1889 году, и в октябре 1928 года стоит на пороге своего сорокалетия, но это еще можно понять и простить — какая женщина любит говорить о своем возрасте, хотя в другом месте — «Нуце, наверно, 48, хотя Н.К. казалось, что ему 50»²⁸ — ее неосведомленность о возрасте *собственного мужа* несколько озадачивает.

Так что, к сожалению, осведомленность и искренность автора дневников, не говоря уже о достоверном изложении материала, имеет немалую «степень погрешности».

²⁷ Фосдик З.Г. Мои Учителя. С. 374.

²⁸ Там же. С. 653.

«Концепция формирования подборки из огромного многолетнего дневника З.Г.Фосдик вполне точно отражена в названии сборника» — говорится в составительской заметке. Вполне точно отражено в нем и отношение составителей к своим Учителям. Взять хотя бы достаточно известный факт, что ни Великие Учителя, ни Елена Ивановна не любили упоминать свои воплощения и не поощряли подобную любовь у своих последователей. Вряд ли подобное нежелание широко распространять сокровенные переживания нуждается в комментариях, однако все-таки приведу строки из письма в Америку: «...Очень прошу никому не сообщать никаких перевоплощений Владыки, эти сведения были доверены лишь ближайшим сотрудникам и не подлежат разглашению. Всякое сведение, не входящее в книги Учения, должно быть свято чтимо и хранимо в сердце и не должно делаться достоянием любопытствующих. Сколько зла причиняет непонятая истина в руках слабого духа или предательского сердца»²⁹. Замечу, что на поиск этой цитаты у меня ушло несколько минут, — в письмах Елены Ивановны подобные упоминания встречаются довольно часто. И думается, если она делилась своими переживаниями с Зинаидой Григорьевной, то прежде всего это свидетельствует о ее доверии, нежели о желании сделать их через нее предметом обсуждения всех, кому не лень. Однако редколлегия, не понаслышке знакомая с перепиской Е.И.Рерих, в том числе и с документами архива нью-йоркского Музея, по-видимому, так не считает, ибо в результате «скрупулезного» отбора материалов для данной книги эти сокровенные сведения не только стали настоящим «гвоздем программы», но даже были внесены в именной указатель. Получилось самое настоящее «Who is who». Кстати, обратите внимание, что у почитаемых Махатм в указателе имен проставлены даты жизни (?!).

Или возьмем достаточно подробно освещенные трения между старшими Рерихами и их молодыми сыновьями (особенно со Святославом Николаевичем), опять же, **с позиции Зинаиды Григорьевны**. Проблем взаимоотношения отцов и детей не избежала еще ни одна семья, но, простите, наша-то с вами здесь какая роль? Соседей, подглядывающих в замочную скважину, которые также «вправе сделать собственные выводы»? В данном случае редколлегии было бы уместно напомнить рассказанный Еленой Ивановной эпизод о Синнетте и Блаватской из этой же книги (с. 179), потому что при всем стремлении к объективности тем не менее всегда есть «вещи не нужные для печати, неправильные, вредные для авторитета». *Беспристрастие*, возможно, незаменимое качество для историка или судьи, но в данном случае — по отношению к собственным духовным Учителям — оно недопустимо. И неужели разграничение личной жизни и внутрисемейных отношений от жизни общественной кому-то покажется строгим «цензором» и ущемлением чьих-то прав? Ваш-то собственный житейский опыт что подсказывает?

Впрочем, читая дневник, трудно отделаться от мысли, что составители намеренно отобрали именно те его фрагменты, которые вписывались в контекст

²⁹ Рерих Е.И. Письма. М.: МЦР, 1999. Т. I. С. 273.

их замысла — бросить тень на младшего сына Рерихов, показать его избалованным, эгоистичным и категоричным в своих суждениях и отношениях с окружающими людьми человеком. И хотя в большинстве случаев мы, опять же, имеем дело с весьма субъективным *пересказом* слов Николая Константиновича, щедро приправленным личными оценками Зинаиды Григорьевны, основная цель составителей — неадекватное восприятие образа Святослава Николаевича неискушенным или враждебно настроенным читателем — все же достигнута. Судите сами.

«Е.И. все время плохо себя чувствует. Сегодня волнуется, ибо завтра приезжает Светик. Только бы он держал себя хорошо и не причинил ей боль!» (запись от 19 августа 1928 г.). Из контекста записи совершенно неясно, почему Елена Ивановна обеспокоена предстоящей встречей с сыном (речь идет об описании вещей, купленных для художественного центра «Corona Mundi», затем следует пересказ беседы о тяжелом характере участников Центрально-Азиатской экспедиции — доктора Рябинина и полковника Кордашевского, после чего приводится вышеупомянутый фрагмент о приезде Святослава Николаевича, далее — упоминание о том, что Елена Ивановна хочет пожурить Франсис Грант за ее легкомыслие и советует самой Зинаиде обзавестись секретарем).

«Днем имела разговор с Н.К. <...> Говорил, как ему трудно со Светиком, что бы тот ему ни говорил, он должен молчать и говорить «да», иначе будут сплошные неприятности. И какой трудный Юрий» (запись от 6 октября 1929 г.). Опять же, контекст записи ничего нам не дает. Фосдик просто пересказывает слова Н.К.Рериха.

«Н.К. очень огорчен Свет[иком]. Он говорит без конца о деньгах, отчего Учитель ему не указал, что и когда вообще продать. Затем хочет найти золотые вещи в Кулу, в своей крепости, расплавить их и продать. В общем, мучает Н.К., и Н.К. хочет ехать уже 24-го марта домой, ему тут очень тяжело и хочется поскорее уехать» (запись от 18 ноября 1929 г.). То же самое — пересказ слов Николая Константиновича.

«Свет[ик] заявил, что не едет в Индию, мы все его поддержали, ибо это один способ [общения] со Светиком — не идти против него» (запись от 11 января 1930 г.). В данном случае информация действительно «из первых рук», но, обратите внимание: первая часть фразы — *«Свет[ик] заявил, что не едет в Индию, мы все его поддержали»* — свидетельствует о том, что данное событие произошло, вторая же, поясняющая, почему остальные сотрудники поддержали Святослава Николаевича, всего лишь отражает личное мнение Зинаиды Григорьевны.

«Было обычное субботнее собрание. Трудно из-за Светика, который часто выступает против Н.К. Например, что надо закрыть «Корона Мунди», не устраивать никаких выставок. <...> А вечером за ужином у Порумы Н.К. нам рассказал, что Светик прямо прочел лекцию с выпадом против всех: в такое трудное время, как теперь, мы помогаем устраивать новое предприятие (имея в виду «Урусвати»), а когда ему было трудно, мы не помогли ему с его медициной. <...> Светик очень против «Урусвати». <...> И слава Богу, что он не едет теперь в Индию» (17 января 1930 г.). В оригинале (в отделе рукописей МЦР хранятся ксерокопии части дневников З.Г.Фосдик) запись датирована «18 января 1930 г.» и дана в другой редакции³⁰. И хотя редакторская правка не слишком искажает смысл и общую тональность записи, тем не менее подобное «вторжение» в архивный документ недопустимо. Данный фрагмент дневника — яркий пример смешения фактов, изложения чужих слов и собственных оценок и суждений. По поводу авторства утверждения «Светик очень против «Урусвати»», приписываемого Зинаидой Григорьевной Рериху-старшему, возникают большие сомнения — как любила говорить Елена Ивановна: «Ищите ближе!». Слишком много документальных свидетельств становления и развития «Урусвати» и личного вклада в его деятельность всех участников проекта имеется в нашем распоряжении. Так, «Его медицина», которую, со слов Фосдик, Святослав Николаевич противопоставляет деятельности «Урусвати», на самом деле не что иное, как ...медицинский отдел этого института, возглавляемый С.Н.Рерихом и занимающийся изучением древнетибетской медицины и фармакопеи, а также биохимическая лаборатория, исследующая современные средства борьбы против рака! Вот что пишет Е.И.Рерих об истинном отношении своего младшего сына к деятельности Института. «Светик благодаря своему знанию и усилиям и Помощи Вл[адыки] достиг совершенно исключительных результатов там, где все были неуспешны»³¹. «[Святослав] занимается питомниками медицинских трав и в этой области достиг уже благоприятных результатов; также ему удалось собрать исключительные сведения о местной медицине. Его коллекция лекарств и собранный материал исключительного интереса»³².

«Утром беседовала с Н.К. около часа. Очень мучает теперь всех состояние Светика. Н.К. говорит, что его идеология вроде купеческой — обобрать, а потом свечи ставить. <...> Светик сидит и ждет повышения конъюнктуры, а работать не хочет и другим мешает. Требуется лаборатория,

³⁰ «Был обычный субботний митинг. Трудно из-за Светика, который часто *говорит* против Н.К. Например, что надо закрыть «Корона Мунди», не устраивать никаких выставок. <...> А вечером за ужином у Порумы Н.К. нам рассказал, *он* прямо прочел лекцию с выпадом против всех, *что* в такое трудное время, как теперь, мы помогаем устраивать *новые предприятия* (думал «Урусвати»), а *когда-то, когда* ему было трудно, мы ему не помогли с его *medicines*. <...> *Потом пришли домой пить валериан, и Н.К. говорил, что* Светик очень против «Урусвати» и *что такие его мнения, если все время повторяются, могут запасть в мозг.* <...> И слава Богу, что он не едет теперь в Индию». (Курсивом выделены расхождения с оригиналом. — Т.К.) / Архив МЦР. Дело № 10188.

³¹ Рерих Е.И. Письма. М.: МЦР, 2000. Т. II. С. 96.

³² Рерих Е.И. Письма. М.: МЦР, 2000. Т. II. С. 87.

говорит об открытиях, не зная химии, не зная, как составлять формулы, а не просто смешивать составы, надеясь на случай. Он забывает, что научная работа требует годы» (запись от 20 января 1930 г.). Классическая иллюстрация неадекватного воспроизведения событий — пересказ слов Николая Константиновича плавно переходит в точку зрения самого автора дневника. Граница, разумеется, обозначена только в сознании автора. Есть разночтения между опубликованным вариантом и оригиналом³³.

«Утром Н.К. имел со мной долгий разговор о Светике. <...> Весь год Н.К. старался сделать всех директоров равными, а Светик одним ударом все испортил. Возмущен, что он не в «Урусвати», его, мол, выкинули. <...> Теперь недоволен, что его выбрали и поставили в новый каталог Музея вице-президентом. <...> Юрий приехал из Вашингтона, очень против [позиции] Светика, конечно, хочет быть главным сам! Но хоть прав в том, что хочет идти по научной линии. В этом Н.К. его одобряет. Лучше было бы, если бы Светик в этом году не ехал в Индию. Здоровье Е.И. надо охранить» (запись от 4 марта 1930 г.). То же самое. Где пролегает граница между поведенным Николаем Константиновичем своей собеседнице и ее личным мнением — сказать сложно.

«Вечером — Беседа с Владыкой. Потом у нас пили валериан. Светик опять повел разговор, что это, мол, не настоящее автоматическое письмо, а правильно писали лишь истинные чела — всё намекая на Н.К. <...> Н.К. очень скорбит о Светике, говорит, что он именно подрывает основы, говоря против Учения, Посланий [через] Н.К. и способа писания» (запись от 11 марта 1930 г.). Опять же, читателю приходится иметь дело с интерпретацией событий сквозь призму сознания автора. В оригинале запись дана в другой редакции³⁴.

После ознакомления с этими и многими другими фрагментами, посвященными Святославу Николаевичу, слова Энтина о том, что дневники даются с немалыми сокращениями, ибо «каждодневные записи содержат довольно много информации, не представляющей ценности для широкого читателя», предстают совершенно в ином свете. Что ж, подход, надо сказать, чисто деловой: что-что, а «жареное» (сенсации, интриги, сплетни, выяснения отношений) широкий читатель всегда любит. И уже неважно, что при

³³ «Утром беседовала с Н.К. около часа. Очень мучает теперь всех состояние Светика. Н.К. говорит, что его идеология вроде купеческой — обобрать, а потом свечи ставить. <...> Светик сидит и ждет повышения market'a, работать не хочет и другим мешает. Всех оскорбляет, требует лабораторию, говорит об открытиях, не зная химии, не зная, как составлять формулы, а не что-то мешать с составами, надеясь на случайность. Он забывает, что научная работа требует годы» (Курсивом выделены расхождения с оригиналом. — Т.К.) /Отдел рукописей МЦР. Дело №10188.

³⁴ «Вечером — Беседа с Владыкой. Потом у нас пили валериан. Светик опять повел разговор, что это, мол, не настоящее автоматическое писание, а писали правильно истинные чела — всё намекая на Н.К. <...> Ушел с Frances, Н.К. остался, очень скорбит о Светике, говорит, что он именно подрывает основы, говоря против Учения, Н.К. messages и способа писания» (Курсивом выделены расхождения с оригиналом. — Т.К.) /Отдел рукописей МЦР. Дело №10188.

ближайшем рассмотрении «мир удивительных сведений» Зинаиды Фосдик оказывается иллюзорной субстанцией, творившейся не с самыми добрыми намерениями, главное прокричать: «Сенсация! Сенсация! А вы знаете, что на самом деле...». По этому поводу было бы нелишне напомнить слова Великого Учителя, сказанные американской группе учеников еще в 1931 году: «Потому пусть запомнят в Ам[ерике], что ущемление Иерархии есть предательство, что отношение безразличия к Иерархии есть предательство, что неревностное усмотрение явления, касающегося Иерархии, есть предательство, — так Мы утверждаем, что ответственность должна быть за каждое произнесенное слово, за каждый поступок, за каждое действие... Как же допустить явление пятен на сокровенном имени Рериха? ... Как не охранить сердце Урусвати?»³⁵.

Впрочем, материнское сердце Урусвати болело не случайно... В контексте этих записей заключительные слова одного из писем Елены Ивановны своим американским сотрудникам также обретают иной смысл: «Родные, заключу это длиннейшее послание зовом сердца: «Любите Владыку, любите Учение, любите Гуру, любите друг друга. Любите моего Светика. Он — мое сокровище. Поймите его большое нежное сердце. Ведь Махатма Люмоу!»»³⁶ Самые разные чувства уместились в вышеприведенных строках Зинаиды Григорьевны — недоумение, раздражение, снисхождение, ревность, зависть, но только не любовь и понимание, к которым с такой мольбой призывает Елена Ивановна свою ученицу. К счастью, в нашем распоряжении имеется другой источник, куда более осведомленный, достоверный и искренний (и доброжелательный!), нежели Зинаида Григорьевна, которая только что продемонстрировала нам темную сторону своей натуры во всей красе. Источник этот — сам Великий Владыка, который в беседах с Еленой Ивановной специально затрагивает тему взаимоотношений Святослава Рериха с американскими сотрудниками:

«Владыка: Можешь добавить к письму, что Гуру должен почитаться и доверие явленное должно хранить как ручательство Начал. <...> Глаз добрый творит. Радна — страж может продвигаться, только осудив себя, не судя словами Гуру. Гуру направляет добрым глазом. Мало понять слова, затмить их властью, Гуру пусть чтут не для своих выгод, но для общего блага. Люмоу несет крылья радости.

Е.И.Рерих: Владыка, сердце мое скорбело о моем мальчике, но я так опасалась показаться пристрастной к сыну, что, может быть, есть доля моей вины в той тяжелой жизни, которую сотрудники создали моему мальчику. Но мое пристрастие к нему все же могло их направить на страшную ревность...

Владыка: Матерь великая — ты»³⁷.

Но вернемся к сокращениям. Шесть лет назад, когда я впервые прочитала эту книгу, мне было очень жаль, что она обрывается «на самом интересном

³⁵ Рерих Е.И. Письма. М.: МЦР, 1999. Т. I. С. 174.

³⁶ Рерих Е.И. Письма. М.: МЦР, 1999. Т. I. С. 100.

³⁷ Рерих Елена. У порога Нового Мира. М.: МЦР, 2000. С. 215 (запись от 10 октября 1929 г.).

месте», то есть перед разрывом с Хоршами, поставившими перед собою цель — узурпировать Музей Николая Рериха в Нью-Йорке, и началом судебного процесса с ними, в котором Зинаида Фосдик сыграла не последнюю роль. Теперь же, в свете уже произошедших событий, возникает мысль, что составители поставили точку именно здесь не случайно. У читателя создается иллюзия эдакого «happy end'a», после которого все герои саги жили долго и счастливо. Но что случилось «во второй серии», все мы прекрасно знаем, в том числе и г-н Энтин. Просто в его трактовке дневник Зинаиды Григорьевны тех лет «наполняется проблемами: судами, конфликтами, горечью, и баланс теряется»³⁸. А любое упоминание о проблемах — в данном случае о трагической истории собственного музея и кознях его первого президента — как известно, отрицательно сказывается на хрупком душевном здоровье американского гражданина. «Это было словно яд, — говорит Энтин в одном из своих интервью. — Зина говорила об этом, Франсис Грант говорила об этом, Кэтрин и Инге говорили. Все, что случилось с Хоршем, так и осталось у них на душе. Так что Зина говорила об этом больше, чем о чем-либо другом. И, по моему, это очень печально»³⁹. Этот небольшой фрагмент классически иллюстрирует чисто американский подход: трагедия другого человека воспринимается как раздражающая заикленность на своих проблемах. Но дело, конечно, не в особенностях национальной психологии. «Правда же заключается совсем в другом», — так и хочется повторить вслед за г-ном Энтиным. В дневниках З.Г.Фосдик содержится информация, о которой, в свете готовящихся событий — публикации дневников Е.И.Рерих, — редколлегии *было выгодно* умолчать.

И, наконец, нельзя не упомянуть и о небольшом послесловии редакции к этому изданию. Несмотря на свой скромный объем, ему все же удалось вместить в себя немало утверждений, которые противоречат действительности. Например, о том, что «в 1948 году Е.И.Рерих передала Обществу Агни Йоги свои *авторские права* на книги Агни Йоги, а также и заботы по распространению Учения»⁴⁰. Или о том, что в архиве нью-йоркского Музея Николая Рериха хранится *единственный* полный вариант заключительной книги Учения Живой Этики — «Надземное», кстати, изданной при содействии заокеанского благодетеля раньше срока, о чем упоминал С.Н.Рерих⁴¹. Завершается же все это подобострастным тостом за Музей, который «по сей день остается основным информационным центром для рериховедов нашей страны»⁴², произнесенным сотрапезниками по духовному пиршеству (г-жа Логаева, просматривая бдительным оком эти строки, не испытывали ли вы странное чувство «дежа вю»?).

³⁸ Фосдик З.Г. Мои Учителя. С. 11.

³⁹ Интервью Д.Энтина В.А.Росову // Вестник Ариаварты. № 1, 2002.

⁴⁰ В действительности это всего лишь фрагмент письма Е.И.Рерих от 22 марта 1948 года, и смысл его несколько иной, нежели тот, который вкладывают в него составители: «Право на перевод и издание книг Учения в обеих Америках и Европе передаю Зиночке и Дедлею».

⁴¹ См. Обращение С.Н.Рериха к рериховским обществам России и других независимых государств от 26 апреля 1992 г.

⁴² От редакции / Фосдик З.Г. Мои Учителя. С. 688.

Нетрудно в противовес собственной широте души критиковать неприступные архивы, содержащие «страшные тайны», и лишний раз выступить в защиту прав человека⁴³. Более прозаические вещи, такие, как авторская воля относительно сроков публикации материалов, а также и совсем уж рутинная работа по описанию и систематизации документов, без которой ни один архив просто не будет вас обслуживать, ныне не популярны и приносят самую дурную славу в глазах «искателей истины», чей лозунг вполне может быть озвучен словами популярной песенки восьмидесятых: «Нет, нет, нет, нет, мы хотим сегодня, нет, нет, нет, нет, мы хотим сейчас». Хотя, позвольте... самый неприступный архив в мире, содержащий все рекорды с незапамятных времен, находится в распоряжении Адептов Белого Братства. И эти «Хранители секретов» осуществляют самый настоящий контроль над выдачей знаний, руководствуясь принципом «Всегда, во все времена, давалась миру только та часть Истины, которую человечество могло или может воспринять»⁴⁴.

⁴³ Вступительное слово Д.Энтина / *Фосдик З.Г. Мои Учителя*. С. 16—17.

⁴⁴ *Рерих Е.И. Письма*. М.: МЦР, 2001. Т. III. С. 206.